

Текст · 14 июля 2022, 12:00

Никита Сологуб,

«Он был уверен, что вернется». Зачем россияне записываются в добровольцы и погибают в Украине

В четыре года Владислав Ерахтин из уральского Асбеста мечтал работать милиционером. В старшей школе он вдруг загорелся идеей стать десантником и пошел поступать в военное училище. У молодого человека ростом под 190 сантиметров были все шансы, но после бессонной ночи со сборами в палаточном лагере он от жары упал в обморок на плацу, и проходить дальнейшие этапы ему не разрешили.

«Это были тяжелые голодные годы, а у нас четверо детей, и мы делили на всех одинаково еду — не было такого, что кому-то больше, кому-то меньше. Он был больше всех, и, видимо, его рост как-то опередил созревание внутренних органов. Наверное, мы его все же немножечко недокармливали», — жалеет сейчас его пожилая мать Людмила Ерахтина. Десантником Владислав не стал, но поступил в школу прапорщиков и отправился служить куда-то в Подмосковье. Несколько лет назад Ерахтин уволился из армии и ушел работать на завод в Екатеринбурге.

Виктор Кучинскас из Минеральных Вод тоже хотел быть военным, «мечтал воевать», «мечтал защищать Родину и быть для нее героем», но в армию его не взяли — «по ошибке», говорит его дочь Алена Кучинскас, не вдаваясь в детали. Когда с армией не

получилось, отец стал изредка ездить на охоту и работать в охране «в экстремальных условиях». У него были и стрельба, и погони, уверяет Алена.

Иван Чухлей из Карелии отслужил в космических войсках в Алтайском крае, но дальнейшую жизнь связывать с армией не стал. Вернувшись в родной регион, начал работать в глинодобывающей карьере, а несколько лет назад переехал в Краснодар. Жены и детей у него не было. Чухлей с детства был заядлым рыбаком, принципиально не пил алкоголь, не любил конфликтов, описывает его тетя Анна Федотова.

А вот у Александра Буланова, Анатолия Яско, Ивана Черепнина и Николая Митрофанова военная карьера сложилась куда лучше.

Анатолий Яско. Фото: Настоящий Воронеж / «ВКонтакте»

Яско из городка Острогожск Воронежской области большую часть жизни прослужил прапорщиком, вышел на пенсию и устроился в охрану. Несмотря на возраст, он сохранял отличную физическую форму, вспоминает его сын Валерий: «Мог левой рукой гирию в 32 килограмма 20 раз поднимать, только бег не любил, всегда шутил: "Бегают пусть молодые, а я

буду отстреливаться до последнего!"». С началом конфликта на Донбассе в 2014 году Яско уехал в ЛНР, тогда войска в самопровозглашенной республике еще не сформировались, и пенсионер с усмешкой называл сослуживцев «бандой». Там он стал уже не прапорщиком, а капитаном — после того как сутки пролежал под обстрелом в блиндаже, отморозил ноги и потерял один из пальцев. В 2017-м Яско вернулся в родной город — его не устраивало, что наступление не идет и нет «ни мира, ни войны».

Сварщик из курского городка Обоянь Иван Черепнин тоже был на Донбассе в первую фазу конфликта, правда, позже Яско, в 2018-м. Это был его второй опыт участия в реальных боевых действиях, первый он получил в российско-грузинскую войну десятью годами ранее.

В Южной Осетии был и Николай Митрофанов из города Судогды, что под Владимиром. Он попал туда вскоре после срочной службы, подписав контракт на три года. В 2014-м он тоже хотел пойти на Донбасс, но тогда его не взяли. Не попал он и в Сирию, тогда он сосредоточился на гражданской работе, стал зарабатывать неплохие деньги, которых, с учетом что семьи у него не было, ему на все хватало, уверяет его брат Сергей.

Александр Буланов. Фото: Юрий Бездудный / «ВКонтакте»

У Александра Буланова семья была — и не одна. От первой жены у него родился сын Дмитрий^[1], сейчас он еще учится в школе, от второй — мальчик и девочка. Призывником он служил на Новой Земле, позже, заключив контракт, попал в спецназ «Ратник», работал в Чечне уже после окончания войны. В Новодвинске участвовал в организации «Ветераны

Северного края». В Нарьян-Маре, куда он уехал после развода с первой супругой, работал начальником склада в «Лукойл-Коми» и председательствовал в местном «Боевом братстве». «Как человек Саша — очень добрый, хороший человек, замечательный отец! Ничего не жалел для своих детей, любил их больше жизни!» — говорит его первая жена Анастасия.

Яско было 63, Черепнину, Буланову, Ерахтину и Кучинскому — от 38 до 43, а Чухлею и Митрофанову — по 33. Все они умерли в Украине, отправившись туда добровольцами.

Стать героем

Если посмотреть на список погибших добровольцев, то станет ясно, что среди людей, которых так называют российские СМИ и чиновники, объявляющие об их смерти, почти нет москвичей или петербуржцев, да и из других крупных городов таких очень мало.

Логично предположить, что рисковать жизнью на войне с Украиной их могла заставить материальная нужда, но ни один из родственников погибших, согласившихся поговорить с «Медиазоной», этого не подтверждает. По их словам, все они пошли на войну добровольцами по «идеологическим» мотивам.

Родная сестра 33-летнего сварщика из Курской области Ивана Черепнина Татьяна рассказывает, что тот «был патриотом», поэтому когда президент Владимир Путин объявил о начале спецоперации, сразу сказал, что мог бы в ней поучаствовать. «Он говорил: "Ну как, как я буду сидеть дома, когда там

стреляют, когда дед мой воевал за нашу землю? Как я буду там сидеть?". У него не было цели заработка, у него были мысли только о том, чтобы сюда не пришли те же американцы, та же Европа. Чтобы мир на нашей земле был, чтобы дети жили спокойно», — говорит она.

По ее словам, окончательное решение Иван принял, когда в самом начале войны мимо их деревни ехала колонна с российской техникой и несколько танков сломались. Черепнин пустил солдат пожить к себе. «Они там мылись, купались, кушать себе готовили, ну, разместили как могли. И я так понимаю, вот воспоминания его о прошлом участии в той войне — а он ведь в плен попал тогда — и разговоры с этими солдатыками, еще молодыми, вот они его сподвигли, что нельзя стоять в стороне, что надо идти», — вспоминает Татьяна. Когда солдаты ушли, Иван отправился в военкомат и обрадовался, что прошел медкомиссию — помешать ему мог штырь в ноге, который ему поставили после аварии, но на этот раз отбор был совсем не строгим.

Иван Чухлей. Фото: Пудожский Уездъ / «ВКонтакте»

Иван Чухлей из Карелии поехал на войну из-за друга — в Луганске жил его сослуживец по армии, вместе они решили отправиться на фронт. По словам тети Чухлея Анны Федотовой, у него был разговор с родителями — те не хотели, чтобы он уходил. «Не хотели-то не хотели, но одно могу сказать, что даже

после того, как погиб Ваня, родители поддерживают президента», — говорит родственница добровольца.

Брат Николая Митрофанова Сергей говорит, что на его решение повлиял телевизор, которому он «не верил». «Там говорят, что никто не умирает, только украинцы гибнут, а нашим ничего. Он говорит: "Ну, приеду, посмотрю, что там как вживую, и все расскажу. Я-то уже, считай, такую войну проходил, а пацанов молодых жалко". И уехал в один момент, никому ничего не сказал, хотя у него тут хорошая зарплата была, тысяч 70 — с учетом что ни жены, ни детей не было, только мать да я, это довольно много. Не из-за денег он туда пошел, не из-за денег — просто за мирную жизнь не держался», — говорит Сергей.

Виктор Кучинскас. Фото: МинВоды Life (official) / Минеральные Воды / «ВКонтакте»

Виктор Кучинскас, по словам его дочери, тоже пошел заключать краткосрочный контракт, чтобы «защищать родину и мирных жителей Украины», а не из-за денег — войну он романтизировал и часто, как уверяет Алена, говорил: «Лучше я умру как герой, чем сдохну, как червяк!».

Стать героем — таким, по мнению его матери, был и основной мотив когда-то упавшего на плацу в обморок неудавшегося десантника Ерахтина. «Когда был 2014-й, он вообще ничего про Донбасс не говорил толком — только он все повторял, что везде проукраинская пропаганда, а теперь вот говорил, что пропаганда все же американская. Друзей у него погибших там нет, родственников на Донбассе у нас нет, то есть, в общем-то, причин никаких нет, кроме того, что он всю жизнь мечтал об этом, хотел воевать, еще в школе, ребенком, кричал, что поедет в Чечню. У него натура воина. Он даже ребенка назвал Руслан, а когда я спросила, почему татарское имя, он сказал: "Да ты что, это русский воин!". Он просто так не мог это оставить. Деньги ему не нужны были, ему надо было идти защищать, воевать, чувствовать себя настоящим солдатом», — говорит Людмила Ерахтина.

Уже пробывший на Донбассе три года военный пенсионер Яско захотел воевать в Украине снова, потому что «очень сильно радел за нашу страну», говорит его сын Валерий. «Он посчитал своим святым воинским долгом поучаствовать в этом, потому что он профессиональный военный, хорошо это дело знал, мог людей обучать. Хотел свои знания и умения применить и помочь нашим построить русский мир, чтобы Россия победила этот нацизм — он о нем еще тогда говорил, когда он только зарождался^[2].

Он сильно переживал за это, ведь у нас деды тоже воевали, некоторые погибли в войну с нацизмом, и наши предки не могли представить, что сейчас, в XXI веке, это зло снова возродится и снова нас начнут унижать и притеснять повсюду», — объясняет сын добровольца.

Похоже объяснил свой выбор и ветеран Чечни Александр Буланов, на которого, по мнению его бывшей жены Анастасии, повлияли соратники по «Боевому братству». «Те причины возможные, которые вы назвали — защита населения Донбасса, месть за погибших российских военных — они все же были на втором плане, ведь никто из близких и друзей там не пострадал у него. Его слова: "Пойду бить врага". Так что, я думаю, для него все-таки было в первую очередь важно очистить территорию от ВСУ», — говорит она.

Все они попали на войну, заключив краткосрочный трехмесячный контракт с воинскими частями. Исключением стал лишь Яско — в военкомате ему отказали из-за возраста. Он отправился в Ростов-на-Дону, чтобы записаться в ЧВК «Вагнер», прошел испытания, но ему вновь отказали. Тогда пенсионер отправился в ЛНР, военное руководство которого его с радостью приняло.

Воинственный дух

Узнавая о решении добровольцев, родственники, несмотря на то, что и сами поддерживали «спецоперацию», пытались отговорить их.

«Он был уверен, что вернется. Он считал, что вся эта война всего на несколько месяцев, что все это быстро кончится, а он останется там, в армии, работать, — говорит сестра Черепнина Татьяна. — Я просила, чтобы не ехал. Это ведь война, это для нас она спецоперацией выставляется, а по факту-то мы понимаем, что это человеческие жизни. Кому хочется, чтобы кто-то где-то погиб?». Черепнин умер 30 марта,

через две недели после заключения контракта. У него остались жена и трое детей в подростковом возрасте, говорит Татьяна.

Родственники военного пенсионера Яско пытались сказать ему, что в его возрасте ехать уже не стоит, но тот не слушал. «Я с ним и в прошлый раз, когда он уезжал, разговаривал и просил не ехать, и в этот. Но это было не в его правилах. Нет смысла его уговаривать. Мы, как родственники, могли сколько угодно переживать, но он принимал решения самостоятельно и с нами особо не считался. Он говорил, что я как сын должен его понять, как мужчина, как воин», — вспоминает Валерий. В одном из боев Яско получил небольшое ранение, командование хотело отправить его в отпуск, но тот отказался, поскольку шла активная фаза наступления — и 9 мая погиб. Он пробыл в Украине дольше всех, почти два месяца.

Охотник Виктор Кучинскас позвонил родственникам только тогда, когда пересек границу Украины. «О том, что он собирается туда, не знал никто, потому что он знал, что если кому-то из родных скажет, то начнутся уговоры остаться. Он если запланировал, его уже ничего не остановит. Когда он позвонил, мы просили вернуться. Но он сказал, что "ничего меня уже не остановит, я приехал сюда не затем, чтобы сейчас уехать домой, я не трус, и я буду защищать родину и мирных жителей Украины"», — вспоминает его дочь Алена. Кучинскас умер в Украине тоже через две недели.

Николай Митрофанов приехал в Белгород 9 мая. В извещении, которое пришло родственникам, указано, что умер он 18-го, но друг Митрофанова, вместе с которым тот отправился в Украину, видел, что на самом деле его убило снарядом в блиндаже в Харьковской области, где он стоял с пулеметом, еще 12 мая, буквально на следующий день после прибытия.

Брат Митрофанова Сергей вспоминает: родственник был уверен, что вернется в родную Владимирскую область на свадьбу племянника, назначенную на 6 августа. Его сослуживец, оставшийся в живых, по словам Сергея, прекратил контракт, потому что «там ничего не заплатили как бы, кинули, как он говорит». «Пацаны приехали туда, а там ни обмундирования никакого, оружие восьмидесятых-семидесятых годов. Их кинули в самую горячую точку, там все непонятно было, кто долбил — и наши стреляют, и ихние по нашим, короче, неразбериха большая, много людей помирало», — пересказывает Сергей разговоры с сослуживцами Николая, приехавшими поминать его на 40 дней.

Сын-школьник Буланова от первого брака, Дмитрий, раньше постивший на своей странице «ВКонтакте» лишь скриншоты из игр, после смерти отца сохранил себе его аватар с буквой Z и надписью «Своих не бросаем!» и поставил вместо собственной фотографии. Периодически он публикует снимки отца, называя его героем. «Сын очень скучает по нему, стал все повторять за ним. Теперь говорит, что тоже хочет стать военным», — говорит мать мальчика Анастасия.

По ее словам, единственный разговор с бывшим мужем, когда тот рассказал о своем решении, прошел на повышенных тонах. «В точности не могу, конечно, все воспроизвести. Я его пыталась остановить, больше, конечно, из-за детей. Пугала, что он может не вернуться. Не шутки же все-таки. В общем, конец разговора уже был на криках. И чтобы, видимо, успокоить меня, он сказал, что едет просто на границу, якобы развозить гуманитарную помощь. Я-то знала, что это неправда была», — вспоминает она.

Владислав Ерахтин из Асбеста о своем решении уехать в Украину рассказал только братьям, их у него трое. В ночь, когда Владислав должен был уезжать, один из них все же оповестил их мать Людмилу. «Я ему звоню: "Какая Украина, ты что?". А он: "Да ты что, мама, все нормально". Он мне говорил, что едет не воевать, а добровольцем — это значит защищать что-то, кому-то помогать. Старший мой сын с кем-то все общался в телеграме, он знал, что все там не так гладко, что страшно там. Но Владислав пошел туда осознанно», — говорит она.

«Я вот не могу понять, ну дети же растут, трое детей, неужели ты не хочешь детей вырастить-то? Кредиты ведь есть, ипотека, ремонт уже три года не могут закончить, ну разве можно жизнью своей рисковать? Почему нельзя усмирить этот дух-то воинственный? Умирать-то он ведь не хотел!» — недоумевает пенсионерка. Ерахтин не пробыл в Украине и двух недель, он умер 3 мая в селе Любимовка Запорожской области.

Невероятные похороны

О гибели всех добровольцев, упомянутых в этом тексте, сообщали региональные чиновники, от глав поселений до губернаторов. Все родственники сказали, что остались довольны похоронами: на них приезжали главы поселений и военкоматов, высокие воинские чины, а иногда даже стрелял караул. «Спасибо огромное администрации нашего сельского поселения, что они все достойно сделали. Солдаты стреляли, из воинской части привезли обед, у нас народу было — 110 человек на обеде! Это просто невероятно!» — восхищается мать отца троих детей Владислава Ерахтина. Правда, осекается она, никаких компенсаций, которые помогли бы закрыть кредиты добровольца, так и не было — на карту вдовы пришла лишь зарплата в 21 тысячу рублей, сейчас она пытается оформить детям пенсию по потере кормильца.

«Похороны, конечно, были нормальные — был и заместитель района, и глава деревни, но вот от государства, как они говорили, что-то выплатят, да все никак, хотя уже больше 40 дней после похорон прошло. В воинской части трубку не берут. Говорили, что орден Мужества будет, но он все в пути да в пути. Когда привезут его — не знают. Никто ничего не знает», — вторит ей брат Николая Митрофанова.

Редактор: Дмитрий Трещанин

Обновлено 15 июля в 14:30. Первоначально в одном из фрагментов текста указывалось, что у Ивана Черепнина не было детей. В действительности их трое.

1. Имя изменено.
2. Вероятно, имеется в виду период с 2014 по 2017 год, когда Яско впервые отправился на Донбасс.